

Фрагмент из романа

Kurt Flasch
Warum ich kein Christ bin

C.H.Beck Verlag, München 2013
ISBN 978-3-406-65284-4

C. 11-27

Курт Флаш
Почему я не христианин

Перевод Елизаветы Соколовой

Введение

1. Отчет

Мне 83 года, и я быстрым шагом двигаюсь навстречу концу моей жизни. Эта книга для меня – возможность подытожить жизненный опыт. А он включает в себя и христианство. Конечно, христианство – не главное содержание моей жизни и не единственная тема размышлений. Политика и философия, история и литература были для меня не менее важны. Но я все время возвращался к этой теме, в той или иной форме, и хочу здесь обобщить то, к чему пришел.

С христианством я столкнулся рано и в самых «благоприятных» обстоятельствах: не во времена его триумфа, а внутри маленькой группы страждущих и преследуемых. Дядя мой числится среди католических мучеников XX столетия. Позднее я использовал возможность спокойно и независимо изучать вершины интеллектуальных и художественных достижений христианства. Постиг нюансы и даже обсуждал христианские истины с кардиналом Йозефом Ратцингером в Большом амфитеатре Сорбонны. Результатом стала не ненависть, а спокойная, даже радостная, отстраненность. Я больше не христианин. И хочу объяснить, почему.

Речь, как уже было сказано, о христианском учении. Слышу возражение: христианство, мол, в первую очередь, не учение, а жизнь. Тех случаев, когда оно действительно становится жизнью, я касаться не буду. Но ему уже 2000 лет. Долгое время у него была власть, оно имело все шансы показать, к чему ведет. Оно использовало любую возможность, чтобы разъяснять свои устремления. Но многие люди причисляют себя к христианам, нисколько не заботясь о том, что их религия сама о себе говорит. Тому есть причины; не они виноваты в том, что христианство по-прежнему удалено от жизни. Однако насмешку Фихте они заслужили; немалое число христиан убеждают себя и других, что «они бы верили, если никто не против и их просто оставили бы в покое». Христианские церкви в трех своих главных формах – Восточное Православие, Римский католицизм и Протестантизм, – бесконечно часто сами себя

репрезентировали. У них разработаны Символ веры и соборные постановления, тексты откровений, правила жизни и ритуалы; синоды и церковные учителя закрепляли канонические версии учения. К тому же, вплоть до XX века христианство было настолько любезно, что весьма недвусмысленно давало понять: кто выступает против него, будет навеки проклят. Оно использовало формулу отлучения так часто, что даже придумало специальное сокращение. В старых теологических книгах читаешь a.s. вместо anathema sit, предан анафеме. Похоже, ответов на вопросы «Что вы хотите? Во что верите?» предлагалось в избытке.

Данные согласуются плохо. История христианской веры полна конфликтов и расколов. Спроси сейчас, во что верят христиане, получишь сто разных ответов. Но в них есть общее. Все они извлекают на свет что-нибудь из далекого прошлого, из книг, возникших около 100 года, из решений церковных соборов IV или V веков, из текстов откровений XVI века. И подгоняют под свои нужды. Они хотят выглядеть моложе, чем есть. Выламывают фрагменты из старых зданий. И утверждают при этом, что несут весть «изначального» христианства; христианскую «жизнь» они тоже относят к «традиции».

Чаще всего церковные иерархи, которых мы видим, выглядят так, словно вышли из музея. И это не случайно. Они и думают примерно так же, как себя подают – церемонно и странно, в старинных облачениях, со всеми этими словесными монстрами вроде «суперинтенданта», помпезным именованим «Его святейшество». Репрезентативная жизнь церкви поддерживает свою склеротическую форму. Чаще всего перед нами пожилые мужчины в древних одеяниях, говорящие на устаревшем языке. Некоторые из них ощущают потребность отряхнуть с себя музейную пыль. Тот или иной теолог время от времени привносит какое-нибудь послабление, продиктованное временем. Добродетельный патер по-настоящему нас воодушевляет; он целиком предан заботам о душе; и лютеране бегут от него во внешний мир. Но все попытки бегства кандалами прикованы к прошлому. Тому, кто хочет постичь современное

христианство, не обойтись без знакомства с его ранними самотолкованиями. Не спорю: где-то христианская жизнь существует. Но вряд ли можно найти ее в церемониях погребения Пап или в торжествах по поводу юбилея реформации. Исторические христианские тексты об истинах веры весьма противоречивы. И тому, кто размышляет о христианстве сегодня, приходится ориентироваться прежде всего на первоисточники, лучше всего на Символ веры, который и католики, и протестанты радостно отодвигают в сторону.

Не я виноват в том, что христианство кажется старым. Оно зародилось 2000 лет назад. Впрочем, оно ведь неверно вовсе не потому, что старо. Геометрия еще старше. Греческая философия тоже. И на нее тоже давит груз традиции.

О ней тоже пойдет речь, ведь именно философия с историей взрастили во мне детские сомнения в христианской вере. Нет, я не придерживался антихристианской философии. Заражение произошло на более тонком уровне: философы лишь укрепили зародившееся во мне убеждение, что я сам несу ответственность за свои воззрения, что я должен и имею право их перепроверять и переоценивать. Историки и филологи-античники научили меня точному чтению текстов; философы научили разбирать по косточкам документы, в том числе христианские. Вдохновили на ревизию убеждений. Сокрушили мучившие меня сомнения: имею ли я в принципе право самостоятельно изучать священные тексты? Показали мне: у верующих, как и у не верующих, их «Я», которое выносит суждение, неизбежно противостоит традиции. Но ни тот, кто следует традиции, ни тот, кто ей учит, ни один червь земной не имеет права оценивать Слово Божие, судить о нем; Слово объявляется непреложным, другие традиции отвергаются. Трение во мне породили вовсе не враждебные христианству философские тезы, бывшие в ходу, это трение породил я сам. И я набрался мужества самостоятельно и отстраненно пересмотреть главные мировые ценности. Ничего из того, что для меня важно, нельзя было считать непреложным. Прежде всего – ведь

преступники были еще у власти, – ничего из области политики, из усвоенного в школе, из всего беспорядочно прочитанного и, наконец, из христианства, помогшего мне осознать себя таким «Я», которое несет ответственность за правое и неправое.

Обстоятельства рождения, истории и окружения, о которых я еще скажу, внесли свою лепту; благодаря им, моя жизнь, образ мыслей дают частный пример актуальных взаимоотношений между философией и религией. Цель моей книги – дать упрощенное представление об этом. Не умолчу и об индивидуальных обстоятельствах. Повторить их невозможно, да и не стоит. Читателю самому решать, что из этого приемлемо для него, а что нет. К взаимосвязям индивидуальности и истины я еще вернусь; но для начала предлагаю поразмыслить над отрывком из «Поэзии и правды» Гёте:

Где бы ни искал человек своего высшего назначения – на земле или на небе, в настоящем или в будущем, – изнутри он все равно подвержен вечному колебанию, а извне вечно разрушающему воздействию, покада он раз и навсегда не решится признать: правильно лишь то, что ему соответствует (пер. Н. Вильмонт).

Нельзя сказать, что разговор о христианстве – это разговор лишь об индивидуальных душевных перипетиях. Кое-что поддается объективации как в христианстве, так и в философии. Начнем с философии: можно вполне доказательно утверждать, что она рано вступила в конфликт с миром эллинских богов и что известно, как именно это произошло. Что она настаивала на приоритете образования, полемизируя с поэзией и религией, часто в резкой форме.

Как считал Гераклит, Гомера следовало бы высечь. Ибо его многочисленные, соперничающие друг с другом боги порождают заблуждения относительно единой божественно-естественной реальности. Греков надо перевоспитывать. Боги Гомера и Гесиода, как утверждали ранние философы, были изобретены людьми.

Платон критиковал этих богов. Его философия стремилась исправить порочную жизнь в Афинах – как индивидуальную, так и общественную. Она ставила своей целью внедрять правильную жизнь и бороться против распространенных в народе представлений. На худой конец, давать им другую интерпретацию. Ведь многие представления содержали верные догадки, например, предсказания оракулов, но избыток развращенности, приводившей к казням справедливейших людей, наглядно демонстрировал: пришло время произвести расчет с жизненно-важными установками.

Сократ показал, как это выглядит: отдельный человек видит себя ответственным за все, что думает и говорит. Он уже не считает себя всего лишь продуктом отношений с миром; он противопоставляет себя им. Ничего из имеющего определяющее значение для жизни для него не бесспорно, кроме того факта, что он должен сам все это проверить. Однако он не стремится проверять вообще все: прежде всего то, что принято считать хорошим. Подобная проверка воодушевляет некоторых молодых людей, но и возбуждает ненависть. Сократ показывает, насколько неустойчивы господствующие мнения о правильной жизни; и он ищет новые. Своеволия ему не прощают. Но он готов нести издержки своего метода вплоть до смерти.

Конфликт существовал и в досократовские времена. Это подтверждает фрагмент В42 из наследия Гераклита. Анаксагор разъяснял, что Гелиос, солнце – это не бог, а множество пылающих камней. Он атаковал традиционные религиозные представления, чтобы утвердить новые требования познания. Реакцией добродетельных сограждан стал процесс с обвинениями в безбожии.

Ксенофан тоже критиковал народные верования. Он утверждал, что люди придумали богов по своему подобию:

*Черными мыслят богов и курносыми все эфиопы,
Голубоокими их же и русыми мыслят фракийцы...*

Или даже так:

*Если бы руки имели быки, или львы, или кони
Если б писать, точно люди, умели они что угодно,*

*Кони коням бы богов уподобили, образ бычачий
Дали б бессмертным быки; их наружностью каждый сравнил бы
С тою породой, к какой он и сам на земле сопричастен...*
(пер. Ф.Ф. Зелинского).

Битва разразилась давно. И слова ее были остры. Именно потому, что у философии и религии было много общего. Обе поднимали вечные темы. Рассказывали, что было в Начале. Называли истоки и разделяли времена. Делили их на эпохи: Золотой век, до Падения, после Падения. Поэты, эти певцы богов, были первыми философами. Они рассказывали истории, мифы, и давали пищу для размышлений. Так в начале своей Метафизики характеризует их Аристотель. Они были началом, которое философам следовало принять во внимание и двинуться дальше. Самые первые, они породили образы, побудили к размышлениям о космосе, о его истоках и будущем, хотя, с точки зрения Аристотеля, это начало было беспомощным.

Старые религии придавали народам культурную форму, сообщали их образу жизни необходимую безопасность, помогали переживать кризисы. Ничего удивительного, что их защищали. Часто зубами и когтями. И здесь я опять подчеркну общность религии и философии: прежде всего это древность происхождения обеих. Греческая религия была старше философии. Обе занимались широким кругом тем: этика и целительство, магия и причины природных явлений; обе претендовали на управление жизнью, как частной, так и политической.

Обе часто конкурировали друг с другом. В ходе Нового времени обеим пришлось отказаться от некоторых притязаний; они маргинализировались отчасти, превратились в области специального знания. Так исторически сложилось то положение вещей, с которым имеют дело люди сегодня, как верующие, так и неверующие.

Я говорю о реальной исторической и интеллектуальной ситуации, в которой оказались ныне религия и критика религии. Главной моей темой не является религия вообще – ни ее суть, ни

будущее. Ни то, ни другое мне не известно. И я сомневаюсь, что вообще кому-нибудь ведомо то и другое, или хотя бы что-то одно. Многие говорят сегодня о будущем веры; я ничего о нем не знаю и потому не говорю. Хотя мне тоже не удастся обойтись без общих соображений о религии. Дело даже не в первой фразе предисловия, это формулировка предварительная, скорее экспериментальная. Она проходит испытание. Речь не об исходных предпосылках и не об общем понятии религии, а именно о христианстве, поскольку это единственная религия, которую я знаю в достаточном объеме: как из источников, так и из реальности сегодняшнего мира. И я хочу знать, есть ли у меня основания признать эту религию истинной или таких оснований нет. И хотя я сужу о понятии истины, которое, естественно, важно, но не вообще о религии.

Основания для подобного самоограничения дает следующее наблюдение: тот, кто сначала развивает общее понятие религии, а затем переходит к оценке одной-единственной, например, христианства, обыкновенно выделяет общие признаки в двух или трех исторических религиях. Он рассматривает их, например, в этическом аспекте или описывает их языки. Как правило, он основательно знаком с одной или двумя религиями; в таких случаях «описания сущности» религии основываются на сомнительно-хрупкой интерпретации фактов и нередко на слабом знании языка. Полученное таким образом определение в скрытом виде содержит удобные или же отчужденные формулировки; тот, кто затем применит его к христианству, легко получит желаемый результат. Подобным определениям религии в исторических исследованиях я не доверяю. Они только имитируют объективность.

Я могу и должен обосновать теоретически, что стоит за понятием «истина» в моих рассуждениях; но что такое, например, ислам, и как с ним соотносится предварительно сфабрикованное определение религии, требует длительного изучения. Это даже исламским ученым как следует не удастся, отчасти потому что они не могут полностью освободиться от установок западной мысли, отчасти оттого, что

исламским они считают самосознание только отдельных групп, да еще и исключают возникновение ислама из области исследований. Последнее предполагало бы знание сирийского, арамейского и, наверное, других языков, а также археологические и нумизматические изыскания.

Словом, я ограничиваюсь христианством. У него одного, как известно, множество форм, противоречащих друг другу. Об этом я еще скажу.

Но сначала еще несколько слов о том, что представляет собой мое исследование: в первую очередь, мне самому оно дает возможность разобраться в себе, и оно не выходит за рамки философии, даже если затрагивает теологические аспекты. Поскольку христианство – предмет исторический, все историческое в нем я принимаю всерьез. Я ухожу от современных представлений христианства и возвращаюсь к древним священным текстам вплоть до Библии. В результате складывается картина исторического развития, а не абстрактная, противная мне по своей сути формулировка. Мои аргументы поддаются проверке, часто носят филологический характер, но в детали я не углубляюсь (чего требовало бы специальное исследование). Однако совсем без деталей тоже не обойтись. Философское мышление не станет основательнее, если не даст никаких точных наблюдений. Наблюдения нужно добывать: объекты сами в нас не запрыгнут. Конечно, есть люди, которые позволяют себе наблюдений в избытке, которые только собирают и мало осмысливают. Лично я пытаюсь связать философию с историей; иными словами, размышлять об истине, опираясь также и на важные тексты Библии, ход мыслей Августина или Лютера. Я внимательно изучаю источники христианской мысли, задаваясь вопросом, а где же сегодня реальные для меня шансы на истину.

Как философ, из интереса к истине я буду исторически точно говорить о христианстве как о заданной в истории последовательности явлений. Тот, кто опирается на историю, не переносит свои сердечные предпочтения на документы христианской религии. Скепсиса

заслуживают те философы, которые хотят сначала изменить христианство, улучшить его, иными словами, реформировать, чтобы затем от всего сердца его принять. Они утверждают, что церковное христианство само толком не понимает свою направленность. И ему нужно эту направленность разъяснить, тогда оно станет религией будущего, час которой вот-вот пробьет.

Как правило, они стремятся отучить церковное христианство толковать себя буквально. Им бы хотелось видеть его более свободным, более образным и человеческим; причем только это, выдуманное ими самими, христианство они считают истинным. Подобные философы, которые бывают и теологами, на самом деле хотят основать другую церковь. Но это не задача философов; да ничего и не получится.

Подобные благие намерения демонстрирует, например, Джанни Ваттимо. Он любит свою католическую церковь и не хочет от нее отделяться. Просто она должна думать о женщинах и о гомосексуалистах иначе, чем она это делает. Ваттимо даже требует большего: она должна отказаться от «безусловного объективизма» в концепции истины и допустить новые толкования своего Послания. Догматы следует понимать метафорически.

Только вот не похоже, чтобы Римско-католическая церковь хотела исполнить желания Ваттимо. Уже в 1965 году они были несбыточны. Вопрос же скорее в том, возможно ли это в принципе, если бы Церковь, скажем, сама этого захотела. Ваттимо представляется мне дружелюбным и чувствительным молодым человеком, который по семейной традиции принадлежит, допустим, к объединению рыболовов (кстати, в Германии, есть еще такие гильдии рыбаков, членом которых можно только родиться, никак иначе туда не попасть). И вот, вдруг он открывает в себе симпатию к рыбам и предлагает, а пусть, мол, наш союз рыболовов в будущем займется вязанием скатертей, а не убийством рыб. Я восхищаюсь душевной тонкостью подобных молодых людей, но шансов на успех у них, по моему, немного. И жажда их сердец не свидетельствует еще ни о

какой философской квалификации. С философской точки зрения было бы логично покинуть союз рыболовов, а не осыпать его проклятиями, поскольку он всего лишь демонстрирует стремление сохранить устойчивость, которая издавна обеспечивала выживание подобным объединениям.

2. Что здесь понимается под словом «христианин»?

Ты прав как будто поначалу,

А присмотреться – свет Христов

Тебя затронул очень мало.

Маргарита Фаусту: Гёте «Фауст I», Сад Марты.

(Пер. Б. Пастернака)

Тот, кто заявляет, что он не христианин, должен разъяснить, что для него значит быть христианином. Это не так просто. Поскольку нет одного христианства, а есть разные. По счастью, мне нет необходимости решать, кто имеет право называть себя христианином, а кто нет. Спрос на это звание велик, хотя право на него оспаривается. Я хочу только объяснить, в каком именно смысле я не являюсь христианином.

Слово «христианин» можно интерпретировать по-разному. Иногда человек слывет им потому уже, что не подделывает чеки и не бьет свою жену. Или под христианином понимают человека, который заботится о ближних. Это уже лучше, но не достаточно. Существует целая палитра последовательно все более широких определений, и я буду двигаться от простых к более развернутым.

Кто-то называет себя «христианином» и связывает с этим понятием минимальный набор преставлений, мол, Бог хорошо относится к нему самому, да и вообще к людям. Если его спросить, какое отношение к этому имеет Христос, он, вероятно, добавит, что Христос принес Весть о том, что Бог не гневен и не требует кровавых жертв; Бог милостив, Он даже сама любовь. В этом случае христианин

предстает метафизическим оптимистом; его вера состоит в уповании на милость Божию.

Христиане второго типа полагаются на Бога и надеются на лучшую жизнь после смерти в более справедливом мире. К их вере добавляется надежда на мир иной и мотив справедливости, если уж не в этой жизни, то хотя бы в той. На вопрос, почему они называют себя «христианами», они бы, вероятно, ответили, что Христос открыл им доступ к Богу.

В третьем варианте христианин утверждает, что верит в Библию. Он полагает, что Бог создал мир. Может быть, не за шесть дней, но уж человеку-то Бог точно предназначил высокое место. Такой христианин не настаивает, что истории об Адаме и Еве фактически точно передают начала истории человечества; он понимает их «образно». Ему не известно наверняка, действительно ли все человечество произошло от одной-единственной пары. Если его спросить, как связаны его взгляды с фигурой Христа, то ответом, возможно, будет утверждение, что Христос это доказал и научил обращаться к Богу-Творцу: «Отец». Ему мы обязаны близкими, доверительными отношениями с Творцом.

Четвертая группа христиан, весьма особенная, приводит причины, по которым их вера, несомненно, оправдана. Они защищают правильность своей веры, свое право так верить. Хотя и не так громко, но и сегодня еще у них встречается мнение, что, мол, мусульмане веруют легкомысленно, в то время как у христиан для веры имеются основания. В качестве оснований христианской веры они называют надежные философские и исторические доказательства, которые подводят к вере рациональным путем. Так называемые *praeparata fidei*. Под которыми понимают две группы доказательств, сделавших христианство *достойным* веры: первую группу составляют философские аргументы, с помощью которых обычный человеческий разум доказывает, что Бог есть и что душа продолжает жить после смерти. Вторая группа подтверждает исторически, что Бог *de facto* явил себя во Христе.

Не только католики обосновывают свою веру при помощи философских аргументов в пользу теизма и бессмертия души. Так же поступали и мусульмане, едва они познакомились с греческой философией. Примерно до 1800 года «естественной теологии», основанной на рациональных взглядах, придерживались и протестанты. Упомяну только Лейбница, который умер в 1716 году. Да и Кант, в конечном счете, не порвал с этой традицией до конца. Но на протяжении XIX века она постепенно становилась достоянием исключительно Римско-католической церкви. Первый ватиканский собор провозгласил ее обязательной для всего христианского учения и установил, что «правильный разум открывает основы веры», *cum recta ratio fidei fundamenta demonstrat*.

Эта позиция основывалась как на философии, так и на исторических исследованиях, обосновывала веру философскими и историческими доводами.

Пятый подход противостоит названным выше. Христиане этого типа не требуют для своей веры никаких подтверждений и полагаются только на свои сердца и чувства. Они исходят из того, что не существует несомненных аргументов в пользу веры, Хрисос отважился на прыжок.

Эта теория возникла как отрицание религиозной философии немецкого идеализма и широко распространилась в XX веке особенно среди протестантских теологов. Бог философов пользовался у них дурной славой; метафизика бессмертной души слыла устаревшей; в ноябре 1918 года они потеряли своего Великого понтифика Вильгельма II, в беде они научились молиться и теперь искали прибежища в надежных руках Отца небесного. Эта группа верующих охотно апеллирует к Паскалю и Кьеркегору, считает свою версию христианства более современной, более продвинутой, и в трудностях видит повод гордиться великодушным отказом от метафизики и полиции.

Христиане четвертого типа в избытке излучали уверенность в предметах философской теологии и давили на исторические

исследования, от которых требовали доказательства «фактов веры»; они различали веру и достоверность и конструировали последнюю рационалистически, видя в ней рациональную подоплеку веры. С пятым же типом все совершенно иначе. Эти христиане настроены скептически в отношении философского познания Бога и метафизики души; ставка делается на веру как прыжок. Они понимают «веру» как личное отношение, доверие к Богу, а не как покорное согласие с набором утверждений, предлагаемых церковью. Для них характерна критика разума и критика культуры. В то время как христиане четвертого типа настаивают, что их Послание передает исторические факты, пятый тип понимает концепцию Посланий веры преимущественно образно, но сталкивается с проблемой четкого разграничения между тем, что следует понимать образно, и тем, что имеет фактическую, историческую реальность. И таким образом они порождают в своих рядах протестную группу, вновь стремящуюся вернуться к буквальному толкованию Писания, то есть, к теологии факта. И Гроб Господень вновь должен стать пустым.

То и дело встает вопрос о метафорах и аллегориях. Этого не избежать. Совсем без метафорического истолкования читателю Библии не обойтись. Тому есть два хороших примера. Во-первых, в Евангелии от Луки (13,32) Иисус называет Ирода «лисицей». Должен ли христианин верить, что Сын Божий в этот момент превратил царя в лисицу? Или он просто использовал метафору и имел в виду, что Ирод хитер, как лиса? Но во время Тайной Вечери Иисус говорит о хлебе: «Это плоть моя», и, как учат Фома Аквинский и Лютер, хлеба там в тот момент уже нет, или же только кажется, что он есть, а на самом деле Иисус тем временем обратил хлеб в свою плоть. Почему же в случае с «лисой» понимать надо образно, а в случае с хлебом – буквально? Где проходит граница метафорического истолкования, и почему именно там? Простая вера может оставить вопрос открытым, но теология, которая хотела считаться наукой, не могла себе этого позволить и породила бесконечные конфликты. Но она не становится ни

дружелюбнее, ни яснее, связав себя социально-этическими или «духовными» мотивами.

Второй довод дают те самые шесть дней, за которые, по первой книге Библии, Бог создал мир. Сегодняшние защитники религии назовут «фундаменталистом» любого, кто понимает «шесть дней» буквально. Но в Библии они представлены именно буквально; там никоим образом не дается понять, что приведенное представление деяния Божиего не соответствует действительности. Хотя еще в античности иудеи и христиане развивали философское понимание Бога и воспринимали шесть дней «символически». Их Бог был вне времени; деяние не измерялось в днях. Значит, Библия понималась аллегорически с такой древности, что в наши дни буквальное восприятие «шести дней» выглядит признаком «библейского фундаментализма».

Так вот, я не являюсь христианином ни в одном из описанных выше вариантов. Меньше всего меня устраивает их смесь, кажется, ставшая нормой в немецкоязычном пространстве – за исключением разве что кружков с особенно строгими правилами.

Я воспринимаю христианство не как единое, а как разные вероучения. Может быть, мои побуждения подтолкнут кого-то из читателей-христианин к вопросу, а к какому из этих вариантов христианства ближе всего они сами. Что помогло бы им навести порядок в своих идеях. Заявляя, что не отношу себя ни к одному из пяти типов, я отнюдь не утверждаю, что они бессмысленны. Ни один из них я не называю «бредовым», просто я не использую ни одну из гипотез. Я стою на позициях последовательного агностицизма, не атеизма. Ведь атеист считает себя способным доказать, что Бога нет. Во мне такой уверенности нет.

Следовательно, я и не чувствую себя обязанным предлагать вместо христианской религии что-то лучшее. Когда я говорю, что я не христианин, меня часто спрашивают, не стал ли я буддистом. Я отвечаю: нет, мне не нужна замена. Это место я оставляю пустым. Я не страдаю от фантомных болей. Я спокойно и решительно с этим

покончил. История христианства, его искусство и литература по-прежнему интересуют меня, но догматика – разве что в историческом ракурсе. Хотя мне интересна аргументация, которая приводится в наши дни. Тому, кто осознанно отказался от христианства, не нужен ни один из распространенных заменителей веры: национализм, победы над конкурентами, стремление к спортивным рекордам, одержимость экономическим ростом, наукой или деньгами. Обо всем, что называют главными ценностями, он способен рассуждать аналитически, с таким же скепсисом, как в прошлом самые радикальные из тех, кто верил в загробный мир. Например, Августин, сотни раз предрекавший гибель Римской империи и ни разу не признавший ее гражданским обществом (*civitas*).

Между тем, теперь ясно, что я понимаю под «философией»: размышления о всеобщих предпосылках повседневной жизни и о научном дискурсе. Она побуждает к обнаружению вытесненных фактов. При этом философия направленного на себя взгляда превращается в филологию, конечно, на время, не навсегда. Сегодня, я думаю, необходимы оба направления: абстрактные суждения и историко-филологическая деталь. И оба мне хотелось бы описать поточнее.

Философия сегодня – необозримое поле университетских дисциплин. Я сам принимаю участие в ее специальных дебатах, например, о теории времени у Аристотеля, но в рамках этой книги, я понимаю философию проще и более обобщенно – как требование последовательности при разрешении актуальных неочевидных вопросов. И главное не в мелких деталях, а в чем-то, что у всех перед глазами. Темы могут быть разными: школьное образование, помощь умирающим или экспорт вооружения. Обсуждая подобные темы, философ ищет общие предпосылки; он анализирует, дает оценки. Философствование как процесс запускается решением разъяснить сомнения относительно самых обычных вещей. В повседневной жизни мы уделяем мало времени своим сомнениям, например, о сущности понятий природа, здоровье или смерть. Мы их проскакиваем. Тот, кто

занимается философией, останавливается, столкнувшись с ними. Он предполагает, что разъяснение подобных вопросов нужно, даже необходимо; оно служит обществу. Этого никто не требует во время узкопрофессиональных дискуссий, например, о концепции времени у Аристотеля. Но философия, как она понимается в этой книге, исходит именно из таких ожиданий. Она освобождается от затасканных слов небрежных пользователей языка и настаивает: ты празднуешь Рождество, скажи, почему. Сегодня Рождество – мощное экономическое, общественное и психологическое явление комического, а нередко и трагического порядка. Те, кто утверждают, что в его основе истина, и даже те, кто это оспаривают, предполагают определенное понимание истины. И отыскивать это понятие в их высказываниях и аргументах – задача философии в моем понимании.

Философия предполагает, что человек имеет право задавать такие вопросы. И она бы не сдвинулась с места, если бы заранее знала, что результат получить невозможно. Но обе предпосылки – то, что ей это можно, и у нее есть перспективы, – сами по себе достойны изучения; они спорны. Здесь, наверное, достаточно их просто назвать. Но даже самое скромное участие в подобных размышлениях предполагает, что читатель имеет право и способен составить свое собственное мнение. Он должен понимать себя как «субъект». Свою веру, как и свое неверие, должен считать установками именно своего мышления, которые ему можно и должно оценивать. Это ни в коем случае не означает, что ему следует оценивать все – но прежде всего то, что он сделал своим, и относительно чего он спрашивает себя, а как он сегодня на это смотрит. Неясного и так остается много. Жизнь полна сюрпризов, но выносить суждения о собственных воззрениях нужно, – не обо всех, конечно: например, человек обычно не знает, помогает гомеопатия или нет. Он должен решить, какие взгляды для него существенны, может быть, именно сейчас, не обязательно на всю жизнь. Многие из того, что было важно пять лет назад, сегодня уже несущественно. То же касается и религиозных представлений. Я не утверждаю, что они относятся к непреходящей природе человека;

этого я не знаю. Знаю только, что некоторые люди на наших широтах еще считают их аксиомами, а другие спорят и рассуждают о них. К тому же эти представления имеют общественное и политическое влияние; даже экономическое значение, и не в местах паломничества. Поэтому я не дам убедить себя в том, что у меня нет права ставить их под сомнение. Мне известно, что благочестивые христиане рассматривают свою веру как деяние Божие, за которое они ни в коей мере не ответственны. Желая обосновать таким образом невозможность обсуждения, они прекращают всякий философский разговор. Здесь под «философией» я понимаю главную ее предпосылку – убежденность, что за свои воззрения ответственность несу я сам. И значит, меня не задевает, когда другие не разделяют моих убеждений. Но я настаиваю, что имею право быть «субъектом» и могу судить о том, что для меня важно, а что нет. И еще я «субъект» среди субъектов. Поэтому испытываю интерес к другим субъектам и принимаю их представления о себе, причем настолько серьезно, что поверхностный наблюдатель может отвергнуть мой подход как «позитивистский». То, что я делаю, можно назвать моментальным самопревращением философского импульса в историко-филологические изыскания. Это необходимо для понимания исторического аспекта христианства. Размышления выявляют то, что во мне в данный момент нуждается в разрешении, для чего внимательно отслеживается мое положение во времени – которое есть нечто большее, чем просто правильная датировка, – и разбираются с исторической дифференциацией изучаемого предмета; в данном случае, с историческими формами христианства и их ролью в современном мире.

Можно видеть, насколько щекотлив вопрос, что такое христианин. Отказ от собственности и коммунизм в любви давно не являются признаками христианства. Как и ожидание Страшного суда. Эти устаревшие версии фактически исчезли или же остаются лишь на обочинах памяти. Они показывают, что в христианстве можно выделить что-то похожее на геологические слои.

Утверждения христианства определяет не тот, кто решает стать христианином. Разумеется, он придает вере некоторые нюансы, поскольку принимает решение в своих обстоятельствах, встраивает веру в общую картину своих ожиданий и воззрений, смотрит на нее из индивидуальной ситуации. И все равно, перед ним материал разных исторических слоев. Раньше христианство было живым и подвижным, вовлекало в свой водоворот целые народы. Сегодня оно стоит перед нами, окаменевшее, но четко разделенное на слои, поскольку в давние времена, и это ясно как день, взгляды церквей были залогом их самостоятельности. Я апеллирую здесь к их собственным саморепрезентациям, а не к тому, как характеризуют себя отдельные христиане. Это мощный материал в своем историческом охвате: от первого письма апостола Павла до церковных публикаций последних лет, даже если помимо Библии я ограничусь привлечением документов одного только западного христианства. Без этого материала не обойтись тому, кто приемлет отдельные моменты христианского послания – такие, как страсти Христовы, любовь к ближнему или Милость Божия. Я опираюсь на исторические источники. И хотя вовсе не такова моя цель, вероятно, это впечатляет: пусть речь идет и об устаревшем, ныне уже очень слабо представленном христианстве. Так оно и выглядит для христиан, знакомых лишь с облегченной его версией, «Orthodoxie light». Я же утверждаю, что архаично христианство как таковое, также и в полной его версии. Прав ли я, можно решить, обратившись к отдельным пунктам доктрины и их источникам. Тем самым вырисовывается путь, по которому следует моя книжица:

В самом начале – короткая автобиография. Я рассказываю о своей христианской социализации. В первой главе начинается фактическая аргументация. Описывается историческое состояние современного христианства, его исторические и интеллектуальные аспекты. Речь идет об исторических разрезах, которые начиная с XVIII века внесли изменений гораздо больше, чем об этом обычно известно самим христианам. Кто-то согласится, что христианство – предмет

исторический, но я хочу именно превратить этот оборот речи в конкретные понятия и взгляды. Даже сам способ, каким мы воспринимаем христианство, давно изменился. Глубокий разрез произвел историко-критический метод. Я коротко представляю его в первой главе.

Вторая глава показывает, что, начиная примерно с 1800 года европейские христиане в ответ на потери (с начала XVII в.) выдвигали все новые обоснования своей веры. Христианство следует принимать, когда условия становятся особенно тяжкими. Но ведь новые защитники веры спрашивают, почему она истинна? Я ставлю вопрос, что означает, когда кто-то утверждает «истинность» христианства или оспаривает ее. Этот абстрактный вопрос я считаю важным для того в том числе, чтобы прийти к более ясному пониманию «фундаментализма», но затрагиваю его как можно более кратко, а в третьей главе перехожу к более наглядным вопросам: проверяю традиционные аргументы защитников веры, свидетельства о пророчествах и о чудесах.

Вторая часть следует за главной линией развития христианской веры. В ней обсуждается христианское учение о Боге. Глава IV касается доказательств бытия Божиего и противопоставляет Богу философов отнюдь не столь нежного «Бога отцов». Глава V касается отношений христианства с миром, иными словами, старой проблемы теодицеи: опровергает ли существование зла в мире представление о добре и всемогуществе Творца?

Потом я перехожу к конкретным моментам вероучения и исследую христианское понятие Спасения (глава VI). Затем следует краткая критика христианской этики, в том числе этики сексуальных отношений (глава VII). И наконец, очередь доходит до «вечных вопросов», смерти и бессмертия; я останавливаюсь на судьбе души на Небесах и в Аду (глава VIII). Последняя глава IX отвечает на вопрос, каково это, ощущать себя не христианином.